АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Идет зеленый шум

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

Алексей Константинович Смирнов
Идет зеленый шум (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10857837
ISBN 978-5-4474-1310-1

Аннотация

В сборник вошли четыре фантастические повести: о гибельных астрологических событиях в перенаселенной коммуналке; об услужливом и деятельном дураке; о путешествии к центру Земли и о фатальных числах, определяющих судьбу.

Содержание

Идет зеленый шум 5
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Идет зеленый шум
Фантастические повести
Алексей Константинович Смирнов

© Алексей Константинович Смирнов, 2015
© Константин Варламов, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Идет зеленый шум

1

Александр Терентьевич Клятов забыл запереть входную дверь.

Поэтому Пендаль вошел беспрепятственно и сразу ударил Александра Терентьевича Клятова тяжелым, дорогим ботинком в бок. Хозяин в беспамятстве лежал на полу и сильно раздражал Пендаля своим присутствием. Хозяин он был бывший, со вчерашнего дня – на бумаге, а со дня сегодняшнего – как надеялся уладить визитер – бывший фактически.

Пендаль шагнул в сторону, пропуская в комнату друзей. Судя по лицам последних, они также питали слабость к изысканным прозвищам. Вошедшие обступили истерзанный, неподвижный куль грязно-серой окраски. Из лоскутов и складок доносился испуганный храп.

– Подъем, командир, – подал голос Пендаль.

Храп тут же занесло в истерические высоты. Новый владелец квартиры повторил удар, и мрачная, заунывная песня небытия оборвалась. Складки, карманы и рукава пришли в движение, высунулся маленький нос, лоснящийся и нездорово розовый.

Пендаль, потеряв терпение, нагнулся, схватил этот нос двумя пальцами и потянул на себя, одновременно зажимая

наглухо ноздри спящего. Бесформенная масса гнусаво загудела, взметнулись руки, ни на что не годные, и вскоре состоялось желанное превращение: недавний куль стал в общих чертах похож на подавленного, затравленного, безнадежно больного Клятова, обладателя невероятной для себя, неслыханной суммы в валюте.

– Тебе же ясно было сказано, чтоб духу твоего сегодня здесь не было!

Клятов произнес что-то озабоченное и непонятное. Он встал на колени и теперь отдыхал. Чувствительное сердце Пендаля больше не могло вынести этого зрелища.

– Значит, делаем так, мужики, – сказал он решительно. – Барахло – на улицу. Ну-ка, вставай!

С этими словами Пендаль подхватил изнемогающего Клятова под мышки и, волоча ботинками по полу, потащил к выходу.

– Стой, – Клятов, не вполне осознавая происходящее, попытался помешать. Он видел, что вокруг творится нечто нежелательное, но, на свое счастье – или на беду – не мог постичь размеров катастрофы. Он только хватал воздух пересохшим ртом, чужим по милости сложных химических присутствий.

А угрюмые спутники Пендаля взялись тем временем за бедняцкую мебель. Ее было совсем мало: стол, в далеком прошлом полированный, три плетеных стула с изуродованными узорами высоких спинок, старое оранжевое бю-

ро штучной работы – время поступило с ним столь жестоко, что Клятову не удалось его продать. И еще – продавленный диван, не подлежащий ремонту. Все. И эта вот жалкая утварь оказалась на улице, выставленная на всеобщее обозрение. Там же оказался и Клятов, все случилось очень быстро – квартира располагалась в первом этаже.

Пендаль уронил Александра Терентьевича на один из стульев, протянул ладонь:

– Ключи!

– Погоди, – прохрипел Клятов и глотнул, готовясь продолжить фразу.

– Ключи сюда, живо! – Пендаль, в отличие от него, искусно сочетал четкость артикуляции с бесцветностью скороговорки.

Но живо Клятов не мог сделать решительно ничего. Пендаль нагнулся и стал обшаривать карманы пиджака и брюк, в которых сон застиг Александра Терентьевича.

– Он, небось, потерял ключ, – заметил один из товарищей Пендаля и мрачно усмехнулся. – Дверь-то была открыта.

– Да? – Пендаль прекратил свое занятие, прищурился и посмотрел в лицо Клятову тяжелым, недобрым взглядом. До того нехорошим, что Клятов неожиданно заторопился, начал хлопать себя по разным местам и, наконец, выудил ключ, волшебным образом уцелевший в хитросплетениях швов и прорех.

Не говоря ни слова, Пендаль забрал ключ, подбросил его

на ладони и сунул в карман. Александр Терентьевич, видя, что новый хозяин квартиры распрямился и намерен по праву собственника удалиться в законное жилище, нашел в себе силы для сверхъестественного внутреннего скачка и просипел целое предложение:

– Стойте, мне же нужно договориться о машине – вещи отвезти.

– Вот и договорись, – благодушно бросил ему на ходу обритый наголо богатырь – тот, что один, без подмоги, вытащил на улицу бюро. Спины захватчиков исчезли в подъезде, Клятов остался на тротуаре. Он окончательно проснулся, и суетливая тревога мигом затопила его душу. Вскочив со стула, он в полной растерянности взирал на мебель, которая, будучи вынесена из норы на Божий свет, не возбуждала никаких чувств, кроме жалости. Да и жалость при виде выброшенного добра возбудилась в одном Александре Терентьевиче – редкие прохожие стреляли в его сторону безразличными глазами насекомых и шли себе дальше, не задерживаясь. Смотреть тут было не на что.

2

Бардом спето: «Расскажи, браток, расколись, браток – как сюда попал?» Спето про лагерную жизнь, но с тем же успехом может быть отнесено и к состоянию души, и просто к жизненной драме.

Клятов, выпади ему колоться, мог бы сообщить о себе следующее.

Александр Терентьевич происходил из почтенной учительской семьи. В юности он ничем не напоминал то существо из рода пресмыкающихся, каким он стал теперь и при взгляде на которое люди, пресмыкающимися пока не ставшие, спешат отвернуться, предпочитая не вызывать путем рассматривания подонка мыслей о собственном замаскированном ничтожестве. Склонность к пьянству, однако, проявилась в Александре Терентьевиче довольно рано. О многом можно было догадаться при виде его азартного лица, что выделялось на всякого рода застольях из скопища спокойных, умиротворенных физиономий тех, что пили без характерного внутреннего трепета, без вдохновения и без странного разудалого отчаяния. Опрокинутая рюмка не становилась для них водоразделом между «было» и «будет», а Клятов, залихватски поддержав первый тост, про себя отмечал, что «все, тормоза бездействуют, и состав на полных парах несется в неизвестность – исход зависит исключительно от состояния полотна».

Вполне возможно, что рано или поздно Александр Терентьевич, поставленный обществом в определенные рамки, смог бы в них и остаться. Опасный, мучимый дьявольской жаждой червяк зачах бы, лишенный систематических обильных подношений, и Клятов зажил бы монотонной жизнью средненького лекаря. Правда, ему пришлось бы в этом

случае попрощаться с пламенным иррациональным азартом, и взор бы его потускнел, утратив пускай и дрянную, но все же окрыляющую энергию. Ничего не попишешь, за все приходится платить, и охлаждение до полутеплого состояния – еще не самая высокая цена за мирный, безоблачный быт. Но судьба приготовила для Клятова иное.

Получив диплом о высшем медицинском образовании, Александр Терентьевич подался в наркологию – подобно автомату, не задумываясь, зачем и почему он хочет окопаться именно здесь, и что за сила руководит его выбором. Впрочем, его будущее могло стать довольно сносным. Ежедневное общение с отупелыми, сумрачными троллями скорее отпугивало, чем побуждало поскорее влиться в их шаткие ряды. Александр Терентьевич был как врач участлив и внимателен, хотя и несколько сух; он носил галстук, вел записи в кожаном тайм-менеджере и даже читал специальную литературу. К сожалению, читал он не только ее. В недобрый час содержание нескольких книг, выстроившихся в роковую цепочку, словно планеты на торжественном и жутком космическом параде, ворвалось в его мозг и произвело там губительное разрушение. Первым было сочинение Достоевского, в котором неосторожный классик позволил себе порассуждать о сущности белой горячки. В частности, великий писатель допустил, что черти и дьяволы, которых видит допившийся до них человек, суть абсолютно реальные фигуры – просто для того, чтобы их видеть, надо именно до-

питься, подвергнуться определенному химическому воздействию. Вторым в цепочке стал рассказ Шукшина про деда и внука, где внук просвещал старика насчет геройства академика Павлова: Павлов, умирая, надиктовывал скорбным студентам свои предсмертные ощущения. Наверно, хватило бы и этих двух произведений, но случай, стремясь породить железную необходимость, для верности дополнил список еще несколькими томами – в том числе работами скандально известного американского врача, урожденного чеха, о едином сознательном поле. После этого деваться было некуда, и Александр Терентьевич, объясняя свои действия интересами науки, сделался ее мучеником – то есть запил. Сначала он пытался соблюдать какую-то хитроумную систему – комбинировал, смешивал, разводил в разных пропорциях, следил за новинками рынка и даже, если еще оставались силы, записывал. Он справедливо подчеркивал, что сущности алкоголизма никто не знает, что корни не отрыты, а, стало быть, и невозможно эффективное лечение. И он, беря пример с великих экспериментаторов, согласен добровольно окунуться в бездонный омут и все там досконально разузнать. Перед самим собой он был настолько честен, что признавал в себе первичную склонность к пороку – тем легче, полагал Клятов, будет добиться результата.

И он добился результата – оставшийся без работы, изгнанный за пределы нормального круга общения, вынужденный сперва продать все вещи, а после – обреченный подбирать

бутылки, он ничуть не преуспел в понимании причин наваждения. Зато, лишившись средств к существованию, с солидной выгодой сменил жилье на меньшее и так на радостях гульнул, что не сумел освободить помещение к назначенному сроку.

3

…В верхнем ящике бюро лежали деньги: крупная, как уже говорилось, сумма в валюте. Прохожие об этой сумме не догадывались – в противном случае, поскольку среди них, бесспорно, попадались преступные личности, Александру Терентьевичу пришлось бы туго.

Клятов даже не отдавал себе отчета в том, насколько ему повезло. Пендаль, при всех своих грубых замашках и сомнительных связях, не принадлежал к криминальному миру. То есть способы, которыми он приобрел себе состояние, не были, конечно, законными и свободными от элементов разбоя – это, однако, не мешало ему избегать открытого, сознательного бандитизма. Окажись на месте Пендаля кто другой, он не стал бы возиться с обменом клятовской квартиры на комнату в коммуналке, и уж в любом случае не дал бы хозяину денег в качестве справедливой доплаты за неравноценный обмен. Скорее всего, Клятов был бы убит – опоен отравленной водкой или задушен сразу после заключения сделки. Причем последняя наверняка свелась бы не к обмену,

а к дарственному акту – это было бы юридическим оформлением порыва, который овладел дарителем под воздействием горячего утюга на живот.

Так что Александру Терентьевичу Клятову вышел фарт, и он, остро нуждавшийся в деньгах, ускользнул из лап квартирной мафии. Пендаль оказался чрезвычайно порядочным человеком: он без пререканий заплатил и даже не сделал попытки забрать доплату назад, хотя Клятов был абсолютно беззащитен и с ним можно было делать, что угодно. Деньги хранились в бюро, и верхний ящик даже не был заперт: сломался замок. Скажем честно: соблазн у Пендаля был. Искушение не из мелких – он, оставляя Клятова на тротуаре, предвидел судьбу своих долларов, и черная тоска накатывала на него волна за волной. Он и сам не знал, какая сила его удержала и что за невидимка голосом твердым, тихим и властным потребовал оставить Клятова в покое. Пендаль не посмел ослушаться, но сейчас, стоя возле окна в квартире Александра Терентьевича, от души желал тому скорее убраться с глаз долой, от греха подальше. Вид одинокой расхристанной фигуры был невыносим, особенно в сочетании с такими близкими, такими доступными купюрами. Достаточно протянуть руку…

Пендаль оглянулся на своих друзей и подумал, что эти, знай они про доллары, ни к какому бы голосу прислушиваться не стали. На миг ему сделалось стыдно и мерзко за бессмысленное, презренное мягкосердечие. Законы жанра тре-

бовали совсем другого.

Похоже было, что Александр Терентьевич уловил опасные мысли скрывавшегося в квартире Пендаля. Он повертел головой, потоптался на месте и принял решение. Выдвинув верхний ящик бюро, Клятов при всем честном народе извлек оттуда пачку денег, завернутую в целлофан, паспорт со свеженькой записью о новой прописке и толстую бурую тетрадь. Тетрадь разваливалась в руках, засаленные углы загибались и отсвечивали, будто покрытые лаком. Вынул врачебный диплом, захватил ненужный нагрудный знак – металлический ромб со змеей и рюмкой. Больше в ящике не было ничего ценного, и Александр Терентьевич, не сводя с бюро покрасневших глаз, начал отступать. Ему было несказанно тяжело оставить на произвол судьбы родную вещь, которая будоражила память и оживляла детские воспоминания. Если бы утро застало Клятова в состоянии более пригодном для анализа и планирования, он бы, конечно, сбегал на проспект, нашел фургон или грузовик, благо деньги имелись. Но ему было так плохо, что он не мог сложить в уме два и два. Пусть остается все, как есть, и будь, что будет. Возможно, он еще вернется, и осиротевшая, преданная утварь благополучно переедет в новый, последний, по всей видимости, приют. Но возвращаться заранее страшно: вдруг, вернувшись, он не найдет ничего, или, что еще хуже, станет свидетелем варварского надругательства над символами погубленной жизни – щепки, обломки, оскорбительные надписи

и прочий кошмар. Тут Клятов заметил в окне Пендаля, который внимательно за ним следил, и ноги сами понесли его прочь от опасного места. Он побежал, поминутно спотыкаясь и не смея оглянуться; вскоре он добрался до проспекта и втиснулся в первый попавшийся троллейбус. Клятов проехал две остановки, пришлось выходить: он забыл свой новый адрес и, когда заглянул в паспорт, выяснилось, что ехать ему следует в обратную сторону.

Остро нуждаясь в срочной опохмелке, Александр Терентьевич не мог позволить себе этой маленькой радости. У него не осталось рублей, а для обмена долларов был слишком ранний час. Все закрыто, и выхода нет – к тому же у Клятова хватало ума не распечатывать страшную пачку перед посторонними. Хочешь не хочешь, а надо сперва добраться до дома и хоть немного привести себя в порядок.

Он опустился на скамейку и огляделся. Было не по-весеннему душно, задувал ленивый ветерок. На глаза Александру Терентьевичу попалась ветка с набухшими майскими почками, и в ту же секунду его пронзил животный ужас. «Что за черт», – успел подумать Клятов. Это что-то новое – он до полусмерти испугался почек. Его почему-то посетила мысль, что почки эти не просто так, что зреют в них не листья, а… Кстати сказать, пора бы им зазеленеть – в чем же дело? Странно. Александр Терентьевич прикрыл глаза, боясь догадаться, что же такое скрывается в почках. «Запишу», – дал он себе обещание, поскольку понял, что расстройство

его психики вступает в новую фазу (забегая вперед, скажем, что так и не записал). Страх не проходил, и Клятов понял, что не может больше сидеть на этой скамейке. Собравшись с силами, он доплелся до остановки, где сесть было некуда, и привалился к фонарному столбу. Краем глаза он отметил, что к нему направляется сотрудник милиции – неизвестно, как повернулись бы события, не подоспей троллейбус. Клятов ввалился в салон, двери захлопнулись, и милиционер, недовольный, остался стоять на тротуаре, поигрывая возбудившейся упругой дубинкой.

4

Александр Терентьевич, пока ехал, наслушался всякого.

Кое-что адресовалось непосредственно ему, хотя Клятов постарался забиться в закуток на задней площадке – тот, что возле окна и отгорожен поручнями. Он прилагал неимоверные усилия, чтобы скрыть фантастический запах, исходивший изо рта, и был бы счастлив вообще не дышать, но это, как выяснилось, положения не спасало. Утробные пары перекрывались изысканным зловонием, источником которого была одежда Александра Терентьевича. Неизвестно, почему его не вышвырнули из троллейбуса на первой же остановке – возможно, будь на Клятове грязная рабочая спецовка, с ним именно так бы и поступили, защищаясь правилами проезда в городском транспорте, но лишь немногим пришла в голо-

ву мысль, что клятовский наряд как раз и является специальной одеждой – с учетом, разумеется, основного занятия владельца.

– С души воротит! – вымолвил сердито один. – Ей-Богу, блеванул бы!

Клятов сжался и ничего не ответил. Тот не унимался:

– Только много чести будет! Рылом не вышел соседствовать с моим внутренним содержимым!

Златоуста одернули:

– Умный, что ли, очень? Отвяжись от мужика, не видишь – он еле живой.

«Да, – подумал Александр Терентьевич, – правильно. Я еле живой».

С минуту он ехал спокойно, но вот особа средних лет, читавшая, если судить по обложке, любовный роман о пищевых продуктах, шумно вздохнула и переместилась подальше. На Клятова тут же напали снова, на сей раз – недавний защитник:

– Слышь, мужик, ты бы в самом деле вышел, а? Тяжело с тобой рядом стоять.

– Мне еще чуточку, тут рядом, – хрипло прошептал Александр Терентьевич. У него закружилась голова, под сердцем завздыхал холодный воздушный шарик.

Сосед покачал головой, но больше Клятова не трогал. Стремясь отвлечься, тот стал беспорядочно ловить обрывки чужих разговоров, надеясь услышать нечто к нему не отно-

сящееся – ему чудилось, что все смотрят только на него и говорят исключительно о нем. Во время оно Клятов додумался до мысли, что алкоголизм приводит к анальной редукции. Говоря проще, человек возвращается на ту стадию развития, когда ему чрезвычайно интересно все, что он оставляет позади. Интересно и – страшно, поскольку ничего хорошего там не остается. Здесь уместно провести сравнение с малыми детьми, которых бьют по попе за измаранные штанишки – воспитывают. Только в случае алкоголика все приобретает гораздо более широкий охват: что у меня за спиной? И сама спина – не белая ли? Что я забыл на скамейке? Что я вчера говорил? Не сделал ли я давеча чего такого, отдающего дерьмом? (как будто мог он сделать что другое!) А что я сделал только что? С другой стороны, анальная фаза, по Фрейду и Эриксону, находится выше, чем предыдущая, оральная – истинно алкоголическая, когда решение всех своих проблем человек приобретает в жидком виде, не жуя и без малейших усилий. Неужели прогресс? Короче, сложная, глубокая, достойная высоких философов мысль. Но нет, говорили о разном. Какой-то тип негромко похвалялся своим недавним поступком: убил жену взглядом. Александру Терентьевичу пришло на ум, что рай всегда индивидуален, а преисподняя всегда коллективна. Он не помнил, чья это была мысль – возможно, что его собственная, рожденная давным-давно, когда он еще умел рождать мысли.

Страшный троллейбус резво катил по смурному проспек-

ту.

Кондуктор, внешне мало чем отличавшийся от Клятова (правда, от него не пахло), потребовал заплатить.

– На выход, – буркнул он равнодушно, когда Александр Терентьевич посредством сложной комбинации мычания, разведенных рук и вытаращенных глаз показал, что не может этого сделать. Кондуктор, нисколько не заботясь о выполнении своего приказа, отвернулся и побрел по направлению к кабине. Зато контролеры, посланные злым роком именно в тот троллейбус, в котором путешествовал Александр Терентьевич, проявили особенное, плохо объяснимое рвение. Не дождавшись денег, два накачанных лба, что были как две капли воды похожи на друзей Пендаля, хором крикнули шоферу остановить машину. Задняя дверь распахнулась; один из контролеров победоносно объявил, что троллейбус не сдвинется с места, пока не выйдет козел (они по-своему понимали зоологию и зайцев не жаловали). Взревели пассажиры. Козел оказался дисциплинированным гражданином, и ему не нужно было ничего повторять. Он с удивительным проворством нырнул под поручень и прыгнул на асфальт. Лбы, разочарованные послушанием изгоя, не спешили отпускать троллейбус. Они помедлили, решая, исчерпан ли конфликт и не навешать ли нарушителю трендюлей. И вот они сплюнули, втянулись в салон, водитель что-то сквозь зубы пробормотал и внезапным рывком бросил машину вперед. Клятов огляделся и понял, что не доехал всего лишь од-

ну остановку.

От понимания близости вожделенного лежбища его силы умножились, но это был аварийный резерв, НЗ. Александр Терентьевич пошел дворами, и дворы представлялись ему огородами, которыми он уходит от белых, красных и прочих цветов спектра. Не хватало только обреза. Но тут его застигла ранняя, нежданная (даже Клятов сумел удивиться) в голом городе гроза: сверкнула молния, и вскоре гром рассыпался хохотом недосягаемого тупицы, который дурак-то дурак, но все-таки удалился на безопасное расстояние. Александр Терентьевич заозирался, ища, куда податься. Он помнил, что нельзя прятаться под деревья, но только деревья и были слева – он выбрался, сам того не заметив, из примитивного лабиринта хрущевок, – а справа был пустырь. На пустыре стоял человек, с виду Александру Терентьевичу родственный. Растерянный и покинутый, он тоже не знал, куда деться, и Клятов бросился к нему, повинуясь неправильному велению лживого сердца. Однако не добежал, молния успела раньше: она с ленивой, одной стихийной силе присущей точностью, ударила аккурат в потертую заячью шапку незнакомца. Александр Терентьевич споткнулся и чуть не упал, видя, что на месте недавнего полуживого памятника всем убогим, грешным и больным остались лишь дымящиеся штиблеты. Возможно, то были не штиблеты – какая-то, в общем, обувь, весьма удачно где-то найденная. Александр Терентьевич к ним не приблизился: он боялся, что обувь окажется на-

стоящей. А так как в глазах его стоял туман и все плыло, он обманул самого себя, произнеся вслух, что и дыма-то не было никакого – значит, галлюцинация – явление хоть и аномальное, но распространенное.

И здесь он неожиданно приметил долгожданный флигель.

Сказать по правде, найти это строение – если знать, с какой стороны к нему подобраться – было нетрудно. Другое дело, что никто не знал, как это сделать. Флигель являлся анклавом громадного дома старой постройки, окруженного еще пятью-шестью такими же ветеранами. Новостройки наступали, многое было разрушено, и гордый неприступный островок стал камнем преткновения для многих городских служб – скорой помощи, поликлиники, различных ремонтных организаций и так далее. Главная сложность заключалась в беспорядочной нумерации квартир. Казалось, что эти самые номера расползлись по дверям, руководимые броуновским движением – или, что более правдоподобно, подобно тараканам, то есть без всякой логики. Первые номера кучковались под крышами, последние – в подвалах, и зачастую сущим бедствием оборачивались поиски двери, нужной сотрудникам, скажем, горгаза, или еще кому, кого срочно позвали, и если промедлить, то случится великая беда. А флигель стоял (да простится сей невольный каламбур) особняком, флигелю в этом ребусе равных не было. В нем раскинулась одна-единственная квартира, имевшая порядковый номер «одиннадцать». Эта квартира сделалась сущим

проклятьем для вышеупомянутых служб – никто не мог ее отыскать. Несведущие визитеры, облазав окрестные дома снизу доверху и обратно, реагировали на почти неизбежное фиаско по-разному – кто беспомощно разводил руками, кто матерно бранился, кто обессиленно прислонялся к ближайшей стене в ожидании обморока или, чего доброго, инсульта. Попытки выяснить что-либо у местных жителей только усугубляли положение, никто ни в чем не смыслил, и спрошенный в лучшем случае глупо таращил глаза, а в худшем – втирался в доверие и давал советы. Между тем существовала хитрая точка для избранных и достойных, с которой нежданно-негадано открывался чудесный вид на обшарпанный желтый домик, и все моментально вставало на свои места. Измученный странник сразу вдруг понимал, что эта-то постройка и заключает в себе предмет его продолжительных поисков. Александру Терентьевичу крупно повезло: Создатель на секунду ввел свое прямое правление на ограниченном участке пространства и милостиво поместил его в правильное место. Клятов понял, что стоит и смотрит на свой новый дом, а дождь между тем собирается в стену, и надо бежать. Александр Терентьевич зашлепал по свежим лужам, крепко прижимая к груди драгоценный пакет.

5

Дверной косяк был облеплен звонками; их было целых

четырнадцать: тринадцать – по числу жильцов, и один – коммунальный. Никого из проживавших в квартире Клятов не помнил, Пендаль возил его осматривать комнату и знакомиться, когда Александр Терентьевич находился в невменяемом состоянии. Всплывали какие-то хари, но у Клятова не было уверенности, что он видел их именно в новой квартире, а не где-то еще. Разумеется, ни о каком коммунальном звонке он не имел представления и потому позвонил в первый попавшийся – попавшийся не сразу, палец трясся и беспомощно тыкался в дерево, не соображая, чего от него хотят. За дверью молчали, издалека доносилось позвякиванье кастрюль и унитазный клекот. Тогда Александр Терентьевич закрыл глаза, навалился на дверь, уперся пальцем в звонок номер два и так застыл, не отпуская кнопки. В коридоре дико зазвенело, вскоре послышалась остервенелая ругань с нотками радости: личность, шагавшая к двери, предвкушала расправу.

– Кто там? – голос был низкий, интерсексуальный.

– Клятов, откройте, – прошептал Александр Терентьевич и снял палец с кнопки.

– Чего?! – в голосе зазвучало праведное ликование.

Клятов, чувствуя, что справедливости не найдет, обреченно замолчал, повернулся лицом к четверке захарканных ступенек и прислонился к двери «А вдруг я ошибся? – подумал он совсем некстати. – Вдруг это другой дом? Что же мне тогда делать? Я этого не переживу». И едва не упал, поскольку

дверь, за которой уже не в силах были сдерживаться, резко отворилась внутрь. Клятов охнул и обрушился на крупную женщину лет то ли сорока, то ли шестидесяти – в классических бигудях, в классическом халате, с классической папиросой в зубах. Такие тетки-комиссарши почти обязательно представлены в густонаселенных коммуналках, что хорошо освещено в отечественной прозе.

– Чего ты здесь шаришься, ханурик? – рявкнула комиссарша, с силой отталкивая от себя Александра Терентьевича. – Ишь, залил глаза!

«Ах, если бы это было правдой!» – пронеслось у того в мозгу. Но нет, сегодня он как раз не успел залить и без того переполненных печеночными слезами глаз, и много дал бы за такую возможность. Возможно, он дал бы весь пакет – если б у него спросили. Но – нет худа без добра – Александр Терентьевич каким-то чудом вспомнил, что в первый его визит этот дивный голосок уже звучал, и окончательно уверился, что попал, куда надо.

– Я же Клятов, – прохрипел он укоризненно и жалобно. – Я теперь здесь живу.

Комиссарша взяла его за плечи, встряхнула и внимательно всмотрелась в лицо-подушку. Редкая бесцветная щетина торчала из нее, подобно куриным перьям.

– Тьфу ты, Господи, – сказала она испуганно, и Клятову показалось, что собеседница сейчас перекрестится. Но она не перекрестилась. – И в самом деле вы. Ну, извините.

И она отпустила Александра Терентьевича, который немедленно зашатался и сел прямо на пол, у стенки.

– Зачем же вы тут сели? – спросила комиссарша с раздражением. – Раз приехали, ступайте к себе в комнату, вон туда, – и она дернула головой, указывая направление. Клятов был ей бесконечно признателен, ибо не знал, какая комната его.

– Конечно, конечно, – забормотал он, суетливо вскочил и побежал к двери, которая почему-то была исчерчена углем и цветными мелками. Возле двери он остановился и начал искать в кармане ключ.

– А где ваши вещи? – комиссарша продолжала допрос. Судя по всему, она была в квартире коммунальным старостой – разумеется, не официально, а просто по праву сильного. «Люция Францевна Пферд», – Александр Терентьевич вспомнил классиков, прочитанных в прошлой жизни. Конечно, комиссаршу звали как-то иначе, но это бессмертное имя ей очень шло.

– Нет пока вещей, – пробормотал Клятов, роясь в карманах. – И ключа нет, – молвил он голосом честного санкюлота, приговоренного к гильотине.

– Понятно, – сказала ужасная женщина. Слово получилось у нее невнятным, потому что она в эту секунду раскуривала папиросу. – Андреев! – закричала она. – Андреев, иди-ка сюда!

Выскочил Андреев – долговязый человек в синей майке

и домашних брюках, заляпанных краской. Ступни и кисти, а также нос, губы и уши были у него колоссальных размеров, и Клятов, механически помнивший кое-что из медицины, сразу заподозрил у него акромегалию – болезнь, при которой, вследствие маленькой опухоли в мозгу, непомерно разрастаются конечности и укрупняются черты лица – случай Фернанделя.

– Че такое, Гортензия Гермогеновна? – закричал человек оптимистически. – Чем могу служить?

– Сосед наш новый, – та указала на Клятова пальцем.

– Да? – Андреев радостно, ни в чем не обнаруживая к Александру Терентьевичу отвращения, протянул ему руку. Клятов схватил ее, как если бы находился в воде и тонул, а сосед пришел к нему на помощь.

– Ключ забыл, – с неожиданным добродушием проворчала Гортензия Гермогеновна.

– Ну так не беда, – пожал костлявыми плечами Андреев. Он развернулся, широкими шагами прошел в свои покои и скоро оттуда вернулся, неся связку ключей. Нетрудно догадаться, что наличие у постороннего ключа от его комнаты ничуть не покоробило Александра Терентьевича. Более того, он испытал такую благодарность, что сам был бы рад отдать ключи любому, кто об этом попросит.

Андреев быстро выбрал нужный ключ, вбросил в скважину, провернул. Дверь распахнулась. Клятов, забыв о словах благодарности, сделал последние, как ему померещи-

лось, в этой жизни шаги и повалился на старый матрац. Кроме этого матраца, в комнате не было ничего.

– Ладно, устраивайтесь, – Гортензия Гермогеновна, отдав это совершенно бессмысленное распоряжение, скрылась в кухне. Андреев остался. Он стоял над Клятовым и с младенческим любопытством его рассматривал. Потом младенческое любопытство сменилось сталкерским изумлением водопроводчика при виде ржавой трубы. Откуда-то издалека послышался детский плач.

– Тут и дети есть? – почему-то спросил Александр Терентьевич, хотя ему было все равно.

– Один, – кивнул Андреев. – Павлуша, годик ему. А родители – Игорь и Юля, молодожены. Хорошие ребята. Вы их еще не видели?

– Кто его знает, – откликнулся Клятов, уверяясь, что с Андреевым можно быть откровенным.

Тот засмеялся, и очередная волна благодарности затопила сердце нового жильца. По меньшей мере, один из соседей не собирался его осуждать и травить.

– Я забыл представиться, – сказал Александр Терентьевич и назвался полным именем, зная наперед, как плохо оно соотносится с его нынешним обликом.

– Андреев, – сказал Андреев, нагнулся и снова предложил Клятову пожать исполинскую ладонь. И в голову тому сейчас же пришла волшебная, грандиозная мысль.

– Слушайте, Андреев, – быстро заговорил Александр Те-

рентьевич. – Мне очень, очень худо. Как-нибудь после я вам – если, конечно, у вас будет интерес, – расскажу, почему так вышло. Но сейчас я умираю. Я дам вам сто долларов, других денег у меня нет. Пожалуйста. Умоляю – купите мне чего угодно, лишь бы там был алкоголь. Я верю, что вы меня не обманете, а если вам нужно – возьмите себе за труды, сколько хотите.

Андреев присвистнул:

– Вы с ума сошли, Александр Терентьевич! Сто долларов! После сочтемся. Погодите, я сейчас вернусь, – и он растворился в коридоре. Клятов, не веря в близкое спасение, сжал кулаки и крепко зажмурился. «Вот и все, вот и все, – стучало сердце. – Сейчас случится чудо, сейчас произойдет что-то очень хорошее. Терпение, дурак, терпение – помощь уже близко. Еще чуть-чуть, и ты оживешь. Наверно, это наилучший для меня выход – поселиться здесь. Мне нельзя оставаться одному, один я повешусь или надышусь газом – собственно говоря, давно пора было это сделать, но как-то все же, как-то все же… Спасибо Пендалю, надо будет ему позвонить, извиниться. Я, наверно, его здорово подвел – человек рассчитывал, планировал… а я опять нажрался, как сука, как клещ… о, господи, какой позор, какое скотство!»

И Александр Терентьевич, в который раз охваченный похмельными страхами и угрызениями совести, перевернулся на живот, втиснул лицо в грязную полосатую ткань и сжал ладонями череп. За спиной послышались шаги.

– Я, конечно, не знаю, – послышался полный сомнений голос Андреева. – Но думаю, что это подойдет.

Все страдания и угрызения сняло как рукой; Клятов проворно сел и протянул дрожащую руку к стакану, который принес ему участливый сосед.

– Там чего? – спросил он автоматически – на самом деле ему было глубоко безразлично, что именно было налито в стакан.

– Спиртик, – улыбнулся Андреев. – Не медицинский, но вполне, вполне! За неимением лучшего…

Дальше Александр Терентьевич не слушал, и Андреев, видя это, замолчал. Александр Терентьевич махнул стакан в два глотка и задохнулся. Глазные щели разлепились, красные глаза вылезли на лоб, в ушах раздался звон – не то пасхальный, не то похоронный.

– Закусить не взял! – Андреев с досадой ударил себя по лбу.

– Спасибо, – Клятов замычал и замотал головой. – Я… (он закашлялся долгим, подводящим к рвоте кашлем) я не могу есть… вот уже несколько дней… но это пройдет… потом… может быть…

Андреев устроился рядом на матраце, закурил и молчал, пока Александр Терентьевич не пришел в себя. Тот, наконец, от души выдохнул и замер, глядя перед собой и смутно прозревая первоочередные, неотложные дела.

– Кто-нибудь в квартире пьет? – спросил он осторожно,

намереваясь хотя бы в общих чертах угадать свою дальнейшую судьбу.

– Теперь – да, – усмехнулся Андреев и пустил колечко дыма. – Но вы не переживайте, никто вам слова не скажет. У нас квартира дружная. К тому же пьющий человек – фигура любопытная… В пьющих людях есть особенная, знаете ли, восприимчивость… своеобразная проницательность, какой не сыщешь в прочих…

Это суждение показалось Клятову немного странным. Он искоса взглянул на Андреева, ощутив неясную угрозу – высокая оценка пьяной восприимчивости звучала в устах последнего как-то не так… не тот был вопрос, чтобы волновать субъекта вроде Андреева. Но сосед непринужденно попыхивал папиросой, и Клятов в конце концов отнес все на счет своих остаточных алкогольных страхов и подозрений. Восприимчивость и вправду особенная – боишься каждого шороха, каждого стука. Андреев замурлыкал какой-то марш.

– Любите Некрасова? – спросил он вдруг. – Наши любят. Вообще любят русских поэтов. А в особенности – вот это: «Идет, гудет Зеленый Шум, Зеленый Шум, Весенний Шум…» Правда, талантливо?

– М-м, – отозвался Александр Терентьевич неопределенно и осторожно. «Ахинея какая, – подумал он про себя. – При чем тут Некрасов?»

– Или вот такое: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» – пропел Андреев и с довольным видом уставился на Клятова

в ожидании похвалы.

– Это как будто не Некрасов, – осмелился высказать свое мнение тот.

– Конечно, нет. Не свет же на нем клином сошелся! Мы и других читаем, и даже сами иногда пописываем. Вот я, например, сочинил коротенькое стихотворение – называется: «Царскосельское». Прочесть?

Клятов вежливо повел бровью. Андреев запрокинул голову и торжественно, нараспев произнес:

– Дева, струю нагнетая, свою опрокинула чашу. Правда, ничего? Это я придумал, когда проезжал прошлым летом мимо Царского Села. Навеяло, так сказать.

Молчание Александра Терентьевича затянулось. Андреев сообразил, что смутил и озадачил новосела, и быстро поправился:

– Да вы не думайте, мы не психи. Просто по-настоящему дружная квартира, вот и все. Мы, конечно, не каждый день занимаемся декламацией. Так, по праздникам, когда есть настроение… В коммуналках достаточно минусов, но есть и плюсы. Рождается своеобразное братство, связанное общим проживанием – об этом часто забывают. Так что можете не сомневаться – вы не столько потеряли, сколько приобрели.

Клятов, успокоенный этими словами, слабо улыбнулся. И вдруг вспомнил про свое брошенное бюро.

– Есть еще одно дело, – начал он нерешительно. – Уж

не знаю, удобно ли просить. Но опять же: деньги – вот они.

Андреев закивал, демонстрируя неподдельное внимание.

– Вещички мои остались под дождем мокнуть, – сообщил Александр Терентьевич горестно. – Вы понимаете, что мне было не до того. Там не Бог весть что, но все же… Вот если бы поймать машину, да съездить погрузить…

Сосед ненадолго задумался, прикинул что-то в уме.

– Это дело поправимое. – сказал он наконец. – Правда, тут и вправду понадобятся деньги. Но вы не тревожьтесь, ради первого знакомства оформим все в наилучшем виде. Прямо сейчас и займусь, гоните монету.

Клятов, кряхтя, начал подниматься с матраца, но Андреев усадил его обратно.

– Нет-нет, отдыхайте. Я справлюсь сам. Говорите адрес, и, если там что-то осталось, привезу в целости и сохранности. Давайте же, говорите адрес.

6

Оставшись в одиночестве, Александр Терентьевич повернулся на бок и попытался заснуть. Сон не шел; в мозгу роились ошметки планов и намерений, а моральный императив настойчиво звал куда-нибудь зачем-нибудь. Тревога, отчасти укрощенная спиртиком, ненадолго отступила; на первый же план вышла лихорадочная жажда деятельности, болезненное желание что-то – неважно, что – сделать, чтобы окружающий

мир сделался более комфортным и не было после мучительно больно за личную пассивность. Однако делать было нечего, он сделал все, что было в его власти. Обмен состоялся, деньги – за пазухой, до места проживания добрался без потерь, Андреев уехал и – чем черт не шутит – может даже привезти предательски оставленную мебель. Можно спокойно лежать и отдыхать, но именно отдых-то и невозможен, какой может быть отдых, когда тебя точит желание вскочить и бегать без всякой цели взад-вперед по комнате в надежде отвлечься от адского пламени, что угрюмо тлеет глубоко внутри и не погаснет вовеки. Поэтому Александр Терентьевич, пролежав не более десяти минут, решительно встал и осторожно выглянул в коридор. Неплохо бы добавить, но как попросишь о таком людей совершенно незнакомых, пусть и дружелюбных, как уверял его Андреев? И выйти на угол нельзя: послав Андреева за вещами, Клятов связал себя известным обязательством хотя бы дождаться этого доброго человека и поучаствовать в разгрузке собственного скарба. Если он отправится на поиски очередного стакана, это может закончиться потерей благорасположения единственного человека, которому он сейчас может довериться. Нет, придется потерпеть. А вдруг повезет, и в коридоре он нарвется на кого-то столь же хлебосольного, сколь и Андреев? Мысль показалась Клятову дельной, и он потащился на кухню. На кухне стоял лысый старик в джинсовом комбинезоне и что-то варил себе на плите в жестяной кружке.

Александр Терентьевич откашлялся. Старик подпрыгнул, обернулся и вытаращил на Клятова глаза.

– Здравствуйте, – поздоровался тот. – Я ваш новый сосед… Клятов Александр… – в последний момент что-то удержало его от упоминания отчества. Вероятно, все-таки сыграло свою роль подсознательное соображение, что типы с подобным лицом, не говоря уже о запахе, называться по отчеству права не имеют.

Дед заколесил к Александру Терентьевичу, приблизился, остановился, заглянул в глаза.

– Я прошу меня великодушно извинить, – произнес он пискляво, – но вы, случайно, не алкоголик будете?

Вопрос был оправданный, и даже риторический, но Клятов все равно не ждал, что спросят так вот, в лоб. Он сделал глотательное движение, молча кивнул и одновременно пожал плечами.

– Ах, какая удача! – воскликнул старик и сунул для рукопожатия дряблую ладошку. – Прошу любить и жаловать: Дмитрий Нилыч Неокесарийский. Простите мою бесцеремонность, но до сих пор у нас в квартире не было своего алкоголика. А без них коммуналка вроде бы уже не коммуналка – вы согласны? Вы не обиделись?

– Нет, что вы, – Александр Терентьевич изобразил на физиономии улыбку. – Если вы так вот сразу про все догадались, то нельзя ли…

– Конечно! – всплеснул руками Неокесарийский. – О чем

разговор! Прошу, прошу в мои хоромы… Сейчас вот только с вашего позволения выключу мою стряпню…

Старик выключил газ, схватил ошарашенного Клятова под руку и потащил прочь из кухни. Разум Клятова отказывался правильно оценить происходящее. Можно, скрепив сердце, допустить, что квартиранты ощущают некоторую недоукомплектованность в смысле пьющего люда, но мысль об их единодушном восторге казалась совершенно дикой. Дмитрий Нилыч, приговаривая по пути : «Уж чем богаты», провел Александра Терентьевича в комнату, где можно было запросто задохнуться от книжной пыли. Такого количества книг на такой маленькой площади Клятову видеть не приходилось.

– Вы, наверно, доктор наук? – почтительно осведомился Клятов.

– Нет, любезный, какое там! – рассмеялся Неокесарийский. – Я простой библиофил, собиратель всякой всячины. Все собираю и собираю, и не могу остановиться. Каждое утро, как проснусь, корю себя – ну зачем, скажи на милость, тебе эти горы и залежи? В могилу-то не возьмешь, а оставить – некому. Полежу так, посокрушаюсь – и опять за свое.

Дмитрий Нилыч с виртуозностью ужа подлез под готовую рухнуть книжную стопку и вытащил на Божий свет графинчик с малиновым содержимым. Клятов переминался с ноги на ногу, не смея сесть. Неокесарийский, спохватившись, бережно усадил его на тахту и поставил под нос высокую

граненую рюмку мутного стекла. «Что мне рюмка», – подумал АлександрТерентьевич с досадой, следя, как дед целится из графинчика и медленно нацеживает свою плюшкинскую наливку.

– Извольте отпробовать, – старик неуклюже поклонился и чуть попятился.

Клятов прижал руки к груди:

– Не знаю, как вас благодарить… – схватил рюмку и залпом ее опустошил. Наступило, как он и предполагал, разочарование: напиток на поверку оказался слабеньким, градусов двадцать, и впридачу тошнотворно сладким.

– На здоровье, – просиял Неокесарийский и тут же налил еще. Александр Терентьевич довольно кашлянул: двадцать плюс двадцать – уже сорок. Выпив, он слегка разомлел и позволил себе светский вопрос:

– А что, Дмитрий Нилыч (вот! уже и развязность проступает!), вы, небось, тоже стихами увлекаетесь?

– Как же не увлекаться? – Старика вопрос не удивил. Он порылся в книжном завале, вынул томик, раскрыл и прочел: – «Пробирается медведь сквозь лесной валежник, стали птицы громче петь и расцвел подснежник!» Просто, бесхитростно, а пробирает до костей! Вы, кстати сказать, не за подснежниками пожаловали?

– Что? – растерялся Клятов.

Неокесарийский усмехнулся и махнул рукой:

– Не слушайте, это стариковское. Нас тут собралось две-

надцать месяцев, вот и забываешь порой, где быль, а где сказка. Вы сами увидите и, смею допустить, удивитесь.

Александр Терентьевич раскрыл было рот для нового вопроса, но тут со двора донесся бодрый автомобильный гудок. Неокесарийский заковылял к окну, выглянул и сообщил:

– Похоже, по вашу душу – Андреев с какими-то вещами. Не с вашими ли?

Клятов, будучи связан по рукам и ногам отлучкой Андреева, не знал, чему он больше обрадовался – вещам ли, свободе ли.

– С моими! – он поспешил к выходу. – Я извиняюсь…

– Что вы, что вы! – старик возмутился. – Не смею задерживать. Увидимся вечером, за ужином. Полагаю, в вашу честь будет устроен маленький фуршет.

Неокесарийский произнес это с мелким нечаянным смешком – довольно гнусным, но Клятов не придал этому значения. Он вышел в коридор и увидел, как Андреев, пригласив в помощники шофера маленького грузовика, заносит в помещение многострадальное бюро – многострадальное в одном воображении Александра Терентьевича. Предмет был цел и невредим, и в той же мере сохранились все прочие вещи.

– Я ваш должник по гроб жизни, – промямлил Клятов, бестолково перемещаясь в пространстве и создавая самозваным грузчикам очевидные неудобства.

– Забудьте, – отозвался Андреев, отдуваясь. – Между про-

чим, ваше прежнее жилище занял очень неприятный тип. Вот кто будет должник…

– Что он вам сделал? – спросил Александр Терентьевич испуганно. – Это Пендаль. С ним опасно связываться.

– Не хватало, чтобы он что-то сделал, – хмыкнул Андреев. – Просто выполз на тротуар, вел себя вызывающе… Черт с ним, это не ваша забота. Держите сдачу, – и он сунул в руки комок пятидесятирублевок. – Я поменял, вы не в претензии? Курс вполне приличный.

Слов у Клятова не нашлось. Внимание, которое ему оказывалось, было поистине сверхъестественным.

– Сколько я вам должен? – спросил он с излишней суровостью, боясь расчувствоваться совсем.

– Я посамовольничал, – признался Андреев виновато. – Взял без спроса, но немного, в разумных пределах. Ничего?

– Все нормально, – сказал Александр Терентьевич устало. Действие стакана неуклонно сходило на нет, и он остро нуждался в небольшом путешествии. Да и впечатлений было слишком много, он давно уже отвык от столь насыщенной жизни. – Я тут отлучусь на полчасика…

– Идите, – кивнул Андреев серьезно. – Только – очень вас прошу – не перестарайтесь. Вечером отметим ваше новоселье как следует – так не дай Бог, проспите все на свете.

Александр Терентьевич вел себя примерно и не перестарался. Он даже недобрал – трудно понять, что явилось тому причиной. Скорее всего, сказалось общее переутомление, в силу которого новоселу стало до лампочки решительно все, даже самая основа его существования. Рассеянный и невнимательный к голосу нутра, он ограничился парой стаканов, беспечно рассчитывая на заботливое провидение, которое с некоторых пор взяло над ним шефство. Тут, конечно, была учтена перспектива ужина, да и щедрый Андреев, казалось, был из породы дойных коров, к которым всегда в случае чего можно припасть пересохшими губами. В общем, Клятов даже домой ничего не купил, а пошел, как есть, с умеренно гудящей головой и стопудовыми ногами. Он мало что соображал, и лишь матрац стоял перед глазами – Александр Терентьевич напрочь забыл, что к нему вернулся безропотный, на все согласный диван. Лишь на секунду прояснилось его сознание – при виде набухающих майских почек. Клятов припомнил, что с ними было связано какое-то малоприятное переживание, какой-то страх. «Ничего, – проворковал он самому себе утешительные слова. – Теперь после дождичка дело пойдет». И выкинул почки с деревьями и маем из головы.

А потом пришли кошки, и это была расплата за неосмотрительность.

Это может показаться удивительным, но в поисках корней алкогольного психоза Клятов до сих пор не удостоился полноценного бреда, настоящей белой горячки. Были тре-

воги, были фобии, были навязчивые мысли, но живой, всепоглощающий опыт не приходил. Так случилось и с кошками: Александр Терентьевич добрался до своей конуры, рухнул на полюбившийся матрац и попытался заснуть. Здесь-то недобор и нанес свой коварный удар: сон обернулся полусном, в котором происходили разные мерзкие события. Вообще, Александр Терентьевич давно дошел до состояния, в котором всякая наука пускается побоку и остается лишь одно стремление – лишиться сознания, поскольку все, что сознается, вызывает тошноту и желание наложить на себя руки. Как раз сознания он не лишился: лежал, беспомощный, ничком и смотрел, как на пороге появляются две кошки мышиной окраски – тощие, голодные, короткошерстные, с поднятыми хвостами и с неизвестными намерениями. Клятов точно знал, что дверь за собой он затворил; сейчас она была приоткрыта, и в широкую щель виднелся залитый желтым светом пустынный коридор. Александр Терентьевич никак не мог уразуметь, грезит ли он, или все происходит наяву. В любом случае, он никак не мог повлиять на происходящее. Секундой (или часом) позже он отметил, что кошки куда-то делись, зато в комнату заглядывают два врача – в хирургических халатах с тесемками на спинах, в колпаках, при очках и с чемоданчиком. «Кто же их вызвал? – в ужасе подумал Клятов. – Неужели соседи? Все может быть, все может быть…» Врачи исчезли, но ясно было, что они где-то здесь, в квартире – наверно, собирают информацию об Александре

Терентьевиче. «Надо запереть дверь и никого не впускать», – мелькнула мысль, такая простая и спасительная, что Клятов не стал делать этого элементарного дела. Ему хватало знания о самой возможности спасения. И он, наконец, отключился, а когда настало время вползать обратно в жизнь, почувствовал себя так плохо, как не было давно, как не было даже утром, когда Пендаль будил его ботинком.

Часов у Александра Терентьевича не водилось, и он понятия не имел, сколько времени. За окном было пасмурно, но светло – стало быть, еще не ночь. Еще день на дворе, а значит, надо жить и бодрствовать, а это ужасно. Клятов обратил взор к двери и увидел, что она плотно закрыта. И тут же услышал, как в нее стучат – деликатно и предупредительно. Донеслось чье-то снисходительное суждение:

– Надо кулаком и посильнее, он же не слышит.

– Я слышу, – прокаркал Александр Терентьевич и забился в приступе кашля. Он кашлял так неистово, как будто хотел извергнуть на пол инопланетного паразита, засевшего в утробе – такое он когда-то видел в фильме ужасов.

– Александр Терентьевич! – позвал из коридора Андреев. – Просыпайтесь! Все готово, вас ждут.

– Иду, иду, – заторопился Клятов, оправляя на себе одежду. Он спал, не раздеваясь, но его гардеробу это обстоятельство вряд ли уже могло повредить.

Клятов шагнул за порог и увидел, что там стоят Андреев, Гортензия Гермогеновна и какой-то еще человек – совсем

молодой и пока незнакомый.

– Да, – крякнула Гортензия Гермогеновна после короткой паузы. – Тут не прибавить, не убавить. Ну, ничего, сейчас ему станет полегче.

Она приоделась: теперь на ней был деловой костюм в обтяжку, подчеркивающий выступы и углы. Бигуди испарились, однако кудри получились такие мелкие и тугие, что могло показаться, будто бигуди присутствуют по-прежнему. Гортензия Гермогеновна, выдвинув квадратную нижнюю челюсть, оценивающе изучала Александра Терентьевича. Поскольку она посулила ему скорое облегчение, Клятов пришел к выводу, что и Гортензия Гермогеновна готова наравне с Андреевым и Неокесарийским принимать посильное участие в его алкогольной судьбе. Он повиновался, и все четверо двинулись к уже знакомой Александру Терентьевичу кухне. Краем глаза Клятов отметил таракана, проползавшего по сырым обоям общего пользования. У входа в кухню Клятов остановился и ошеломленно воззрился на роскошный стол, заставленный снедью и бутылками всех мыслимых пород. За столом сидели люди, много людей; немного позднее Александр Терентьевич счел их общее число: тринадцать, включая его сопровождающих. Одно место, во главе стола, пустовало, и Андреев подтолкнул Клятова в направлении именно этого места.

– Право дело, я не могу, – Александр Терентьевич сделал попытку приютится где-то с краю, на табуреточке, но стол

дружно завопил, чтобы он и думать не смел, что он отныне полноправный член дружного коллектива, что сами стены флигеля-призрака вот-вот пустятся в пляс по случаю столь радостного события. Клятов сдался и занял отведенное ему место. Он вспомнил таракана и почувствовал, что в чем-то с этим насекомым схож – угоди таракан в какой-нибудь праздничный салат, это сходство доросло бы до полного тождества.

– Гортензия Гермогеновна! – подал голос Неокесарийский, сидевший далеко от Клятова. – Я предлагаю перво-наперво посвятить молодого человека в некоторые структурные особенности нашего общества.

– Дайте же человеку поправить здоровье! – укоризненно вмешался Андреев. – На нем лица нет!

– Пусть выпьет, – разрешила Гортензия Гермогеновна. – Налейте ему, сколько нужно.

– Один не буду, – заявил Александр Терентьевич категорическим тоном. – Умру, но без вас не выпью ни грамма – что это такое? Я пока еще не совсем… пал.

Это «пал» получилось у него таким басовитым и высокопарным, почти что библейским, что вся компания испытала неловкость. Андреев рассудил, что надо уступить. Наполнили стопки и рюмки, выпили без тоста – сразу вслед за Александром Терентьевичем, который немного выждал, тоста не дождался и, будучи сам неспособным к произнесению речей, плюнул на церемонии и поправился. Наступила

тишина. В ней не было напряжения: казалось, что собрание, из милосердия сделав уступку виновнику торжеств, намерено, наконец, последовать давно установленному ритуалу, который для собрания не в тягость, а в радость. Когда же ритуал завершится, можно будет с чистой совестью начихать на условности и вести себя, как заблагорассудится. Неокесарийский встал и, без всякой на то нужды, постучал о край фужера ложечкой.

– Дорогой Александр Терентьевич, – заговорил он, убедившись, что ни единый посторонний звук не нарушает течения его речи. – То, чему вы стали сегодня свидетелем, – не более, чем ребячество, озорство. Мы люди взрослые, в большинстве своем не очень молодые, а радостей в наши времена – раз, два и обчелся. Так что не судите слишком строго за возможную ненатуральность поведения и слов. Каждый, в конце концов, увеселяется на свой лад, в согласии со своими наклонностями. Но если посмотреть с другой стороны, то не удастся так вот запросто откреститься от известной заданности, от непостижимого стечения определенных обстоятельств…

Клятов понял только одно: перед ним за что-то извиняются. Он и помыслить себе не мог, что эти милые люди в чем-то перед ним виноваты – поэтому, с набитым ртом, не вникая в суть сказанного, он бешено замахал вилкой, заранее отрицая все возможные прегрешения.

– А обстоятельства примечательные, – продолжал Неоке-

сарийский. – Нельзя назвать банальным совпадением тот факт, что под одной крышей собрались представители всех знаков Зодиака, все двенадцать месяцев. Причем ни один из знаков не дублируется, каждый уникален и неповторим. Лично я, если мнение мое хоть сколько-то ценно, усматриваю в этом таинственный, непостижимый замысел природы. Поэтому, надеюсь, вам станет понятнее наша любовь к поэтическим произведениям на природную тему…

Как ни пьян был Александр Терентьевич, он воспринял услышанное как сущий бред, какой не в каждой психбольнице встретишь. В голове у него все перепуталось: двенадцать месяцев, медведь, валежник, зеленый шум, могущественное провидение и коммунальная реакция на шалости судьбы, выразившаяся в любви к сомнительным стихотворениям. Он ничего не сказал и только подлил себе в стопку из графинчика; тем временем Неокесарийский начал представлять участников застолья:

– Начнем, как водится, с Апреля: прошу любить и жаловать – Петр Осляков, наш яростный, кипучий Овен…

Поднялся здоровенный детина в футболке, сидевший слева от Клятова; пользуясь близостью положения, он протянул для пожатия руку. Александр Терентьевич не без труда привстал и с натугой ответил на приветствие. Детина сиял; казалось, он был до такой степени рад знакомству, что растерял все подобающие случаю слова. Дмитрий Нилыч перешел к следующему знаку:

– Месяц май представлен госпожой Солодовниковой. Как и полагается любому порядочному Тельцу, она твердо стоит на земле обеими ногами. С ней всегда чувствуешь себя уверенным…

Госпожа Солодовникова приветливо кивнула. Она была пышной, спокойного вида дамой средних лет и работала, должно быть, если внешность дает основания судить о профессии, каким-нибудь администратором.

– А это наши любимцы, Близнецы – Игорь и Юля. Оба родились в июне, в июне же поженились. Сверх того – бывает же такое! – их маленький Павлуша – тоже Близнец.

Игоря Клятов уже видел, это был тот самый парень, что вместе с Андреевым и Неокесарийским провожал его к столу. Вида он был безобразно невзрачного – белокурый, почти альбинос, с мелкими чертами лица и глазами, прозрачными, как колодезная вода. Юля – хрупкая и миниатюрная – сидела рядом с ним. Роскошные черные волосы были перетянуты простой резинкой и образовывали хвост, достигавший талии. Если Игорь был почти альбиносом, то Юля – почти лилипутка, карлица. Для получения статуса последней ей хватило бы уменьшиться на три или пять сантиметров.

Неокесарийский откашлялся:

– Что касается Рака, то это – ваш покорный слуга. Родился в самый разгар июля, и сие сомнительной ценности событие случилось весьма давно… Не стану заниматься самоописанием; вы, верно, и сами уже успели составить о моей персоне

мнение. Я лучше представлю вам Льва: Виталий Севастьянович Сенаторов. Истинный Лев, говорю я вам – благородный, щедрый, великодушный. Любит, разумеется, когда последнее слово остается за ним.

Встал начальственный мужчина в очках без оправы и с гривой седых волос – и вправду львиных. Покровительственно склонил голову, поправил полосатый галстук и сел обратно.

– С Девой вы знакомы уже хорошо. Не знаю, что бы делала наша квартира без обожаемой Гортензии Гермогеновны. Как вы уже заметили, строга и властолюбива, но сердце у нее добрейшее. Ей по плечу любое дело, она – координатор, управитель и мать родная в одном лице…

Гортензия Гермогеновна пошла от удовольствия пятнами. Она заулыбалась; аттестация, данная ей Дмитрием Нилычем, растопила кажущийся лед ее души. Неокесарийский тем временем перешел к Весам:

– Альберт олицетворяет октябрь, и довольно неплохо с этим справляется. Порой его заносит, бросает из крайности в крайность, но так ведь и должно обстоять дело с мятущейся, неуверенной душой, где чаши находятся в неустойчивом равновесии.

Альберт Александру Терентьевичу не понравился. Опасный тип: запавшие глазки, широкие скулы, злая физиономия; татуированные руки – в беспрестанном возбужденном движении. Явно уголовная наружность; такому скажешь сло-

во поперек – и заработаешь шило в брюхо. Неокесарийский сделал паузу и притворно взялся за сердце:

– Каждому Раку свойственно трепетать перед Скорпионом… И я трепещу, не в силах противостоять чарам этой женщины. Анна Леонтьевна, повторю в сотый раз – я ваш раб до последнего вздоха…

– Ловлю на слове, – лукаво отозвалась сухая царственная старушка, одетая крайне бедно, но исключительно опрятно. Она повернула к Клятову свое умное, интеллигентное личико и доброжелательно кивнула.

– Редкая женщина, – вздохнул Дмитрий Нилыч, прикрывая глаза и даже чуть раскачиваясь от полноты чувств. Он очень правдоподобно изображал желание подольше задержаться на Скорпионе и медлил с продолжением. Но вот он столь же достоверно изобразил внутреннее усилие и представил Стрельца: – Господин Комар. Великолепный случай совпадения фамилии и сущности. Жалит – то бишь стреляет – всех без разбора. Непоседливый, неугомонный, острый на язык, энергичный… и даже затрудняюсь определить, какой еще. Тоже прошу любить и жаловать.

С места вскочил маленький тощий мужчина лет тридцати, который действительно смахивал на некое проворное, хищное насекомое. Помахав Александру Терентьевичу издалека, он плюхнулся на стул и подложил себе в тарелку кроваво-красного мяса. У Клятова уже рябило в глазах, он превратился в заводную куклу и перестал отвечать на привет-

ствия – только моргал, дожидаясь вожделенного алкогольного момента. Неокесарийский уловил его настроение и произнес сочувственно:

– Я вижу, вы утомились. Но осталось совсем чуть-чуть, еще трое – тем более, что один из них в представлении не нуждается. Я позволю себе перескочить через одну фигуру и сразу назвать человека февраля: это Андреев. Вольный Водолей, чистый, вездесущий добрый дух, который веет, где захочет, и всюду находит друзей. Вы бы видели его записную книжку – в ней места живого нет…

– Будет вам, Дмитрий Нилыч, – смутился Андреев. – Через край берете. Хватит про меня, давайте март с январем – и конец процедуре.

– Слушаюсь, – поклонился Неокесарийский, выбросил руку и провозгласил: – Господин Козерог, он же Илья Кремезной. Гений. Правда, гений, я ничуть не преувеличиваю. Ученый. Математик. Теоретик. Доцент. В будущем – академик, в этом можно не сомневаться. Своим упорством и трудолюбием способен скалу стереть в порошок.

Лица и закуски свободно плавали перед очами Александра Терентьевича. Не без труда он различил Козерога – скромного лысоватого очкарика, пившего один лимонад и евшего совсем немного. Илья Кремезной – погруженный, видимо, в какие-то математические мысли – не удосужился взглянуть на Клятова, и формальный кивок был адресован, скорее, тарелке с крохотным кусочком заливной рыбы.

Дмитрий Нилыч снова вздохнул и с облегчением молвил:

– И, наконец, многоуважаемый Рыб, да простит господин Чаусов мне эту шкодную лингвистическую вольность. Месяц март. Господина Чаусова вы, Александр Терентьевич, будете видеть лишь в исключительных ситуациях – типа сегодняшней. Это затворник. Пожалуй, они с Козерогом во многом похожи – одно упрямство, один научный фанатизм. Но если Кремезной – поборник наук точных, то Чаусов – приверженец философских и мистических трудов. Книг у него, нельзя не признать, едва ли не столько же, сколько у меня. Сознаюсь, что временами я испытываю черную зависть коллекционера, но Рыба отказывается идти на контакт и заниматься книгообменом.

Клятов собрался с силами, напрягся и вгляделся в тщедушного старикашку, одетого почему-то в пальто. Тут же он догадался, что сильный запах нафталина, на который он обратил внимание с самого начала трапезы и который перебивал ароматы съестного, исходит именно от этой одежды. Старикашка Чаусов жрал за семерых, уплетая все подряд. Похоже было, что он даже не следит за церемонией и не слышит, что говорят про его особу. Во всяком случае, реакции на слова Неокесарийского с его стороны не последовало никакой.

– Все! – воскликнул Неокесарийский и сделал руками замысловатое дирижерское движение. – Остались вы, Александр Терентьевич. Я чувствую печенкой, что в дате ва-

шего рождения есть что-то особенное. Возможно, вы родились в один из спорных декабрьских дней, которые относят к до сих пор официально не утвержденному знаку Змееносца? Я угадал?

– М-м, – промычал Клятов непонимающе. Он усваивал очередную порцию спиртного и не сразу смекнул, что к нему обращаются. Неокесарийский повторил вопрос. Александр Терентьевич подумал и ответил:

– Не, я не декабрьский. Я, по-моему, тоже Рыба.

– Рыба? – огорчился Дмитрий Нилович. – Очень жаль. То есть я хочу сказать, что это замечательный знак, но просто теперь у нас целых две Рыбы… впрочем, это показательно! Ведь месяц март определяется знаком, который существует во множественном числе! Рыб и должно быть хотя бы две, никак не одна! Так что все в полном порядке, Александр Терентьевич!

– Да я не мартовский, – пробурчал на это Клятов и почему-то полез за пазуху за паспортом, как будто бы ему не поверили без документов. – Я родился двадцать девятого февраля, в високосный год. Меня по три года вообще, так-скать, не бывает…

Наступившее минутное молчание сменилось громом аплодисментов и восторженными возгласами, среди которых особенно ясно звучали партии Рака, Стрельца и Водолея. После начали горланить «Гори-гори ясно», «Зеленый Шум» и про медведя в валежнике. Александр Терентьевич, уже

смирившийся со всем и плюнувший на все, пил и ел, покуда хватало сил. А когда истощились силы, свалился под стол, и заботливые руки приняли его отравленное тело и снесли в каморку, на матрац, подобно вещи, которую ставят на место после того, как попользуются.

Ночью его посетила Юля.

8

– Привет, – сказала Юля.

– Привет, – пробормотал Александр Терентьевич.

Он спал, он знал это точно.

Он находился в незнакомом дворике, на лавочке. Перед ним шумел богатырский тополь, на нижней ветке которого сидела, свесив босые ноги, Юля. Она была одета в полупрозрачный наряд зеленого цвета и незнакомого фасона.

– Не бойся, ты спишь, – Юля улыбнулась и шмыгнула носом.

– А чего мне бояться? – настороженно отозвался Александр Терентьевич.

– Ну, мало ли! – Юля пожала плечами. – Вдруг решишь, что я к тебе приставать буду.

– С чего мне так решать?

– Фа-фа-фа! – та закатила глаза, и бессмысленная реплика получилась отвратительно пошлой. – А я ведь могу!

С этими словами Юля внезапно спрыгнула с ветки и ока-

залась у самых ног Клятова. Александр Терентьевич успел осознать, что во сне он стоит по стойке «смирно», одетый как всегда – в то же, в чем лег.

Он испытал сильнейшее в жизни желание – забытое чувство, которое, как он ошибочно полагал, умерло несколько лет тому назад. Но он не мог пошевелить и пальцем: стоял и в глупейшем безмолвии пялился на проворное существо, которое подобралось вплотную и деловито шарило в его ширинке.

– Во сне – это ладно, – брякнул Клятов, озабоченный близким разрушением молодой семьи.

– Угу, – кивнула Юля, расстегнула последнюю застежку, и брюки свалились на… землю? Нет, под ногами была не земля, там не было вообще ничего. – Сейчас, мой маленький, Игорь подойдет. Вот увидишь, как славно получится.

Александр Терентьевич хотел спросить, зачем нужно подходить Игорю, но язык отказался ему повиноваться. Он заглянул вниз и в ужасе уставился в раскрытый Юлин рот – там не было зубов, зиял лишь страшный черный провал, откуда вдруг потянуло адским смрадом.

– Нос зажми, если не нравится, – посоветовала Юля. – У всех суккубов плохо пахнет изо рта – я потому и не целуюсь. А ему, – она кивнула на то, что вывалилось из брюк Александра Терентьевича, – ему без разницы. Вот с Игорем придется потерпеть…

– Почему? – спросил Клятов.

– Так он же инкуб, а не суккуб, – удивилась Юля. – Он только женщинам глянется. А ты, может статься, увидишь его, как он есть.

– Раз я не женщина, то зачем ему приходить? – спрашивая, Александр Терентьевич медленно отступал. Он уже на целых два шага удалился от беззубой пасти.

– Дареному коню! – хохотнула Юля. – Может, к нам бабу вселили? Можно и баб поискать, но берем, где поближе. На безрыбье…

С нее поползли мелкие насекомые.

Клятов сделал еще шаг, и очутился в комнате Чаусова. Никаких книг, вопреки утверждениям Неокесарийского, в ней не было. Висели шкуры и потемневшие от времени сабли; хозяин в парче и шелках сидел, развалясь, на антикварного вида диване.

– За подснежниками, деточка? – прошамкал он участливо и тут же засмеялся. – За ними – к братцу Апрелю. А я, сударь мой, Март!

– Что здесь происходит? – зубы у Александра Терентьевича застучали. Между прочим, он снова был полностью одет.

– Это ты скоро узнаешь, – успокоил его Чаусов. – Я тебе книжку дам почитать. Про друидов. Ты ведь любишь читать книжки? Ну вот.

– Какие друиды? – Клятов, против воли, сорвался на крик. – Что это за идиотский театр?

– Ух ты! – Чаусов вскочил и моментально переместился

поближе к Александру Терентьевичу. – Не в твоем положении, сударь, голос повышать. Не в твоем! Потому что мы тебя до капли выдоим. Слыхал, что с прежним жильцом было?

Старик вцепился Александру Терентьевичу в щеки.

– Живым не выйдешь, – прохрипел он, утрачивая всяческий контроль над темными чувствами. – Думаешь, так уж это приятно – изо дня в день с древесами?

Клятов рванулся и попробовал перекреститься.

– Не поможет! – радостно закричал Чаусов, но помогло. Возможно, вовсе не крестное знамение, поскольку Александр Терентьевич не успел довершить его до конца. Возможно, вмешалась какая-то другая сила – так или иначе, Клятов проснулся и обратил выпученные глаза к потолку, плохо различимому в ночном мраке. Сердце отчаянно билось нескладно, с устрашающими паузами.

9

Несчастье помогло. Александр Терентьевич Клятов проснулся.

До сих пор его терзали призрачные, надуманные страхи – светлую тему Эриксона, Фрейда и «того, что позади», он выкинул из головы, – надеясь, что навсегда.

По одной единственной причине: страх, который завладел его существом, не имел ничего общего с фантазиями. Клятов ни на секунду не усомнился в абсолютной реальности недав-

него сна – более того, он точно знал, что это никакой не сон, это естественное (с позволения сказать) событие, с которым нужно жить.

«Саша, успокойся, – сказал он себе. – Теперь все завершилось. Ты наконец-то попал. Теперь ты должен думать. Для этого придется перестать пить, и ты перестанешь. Ты будешь думать. Ты столкнулся с какой-то гнусью, которую необходимо извести. Ты же врач, ты забыл? Ты ученый. Ты все позабыл, мать твою так. Но пора просыпаться».

Сначала книги. Читал ли он когда-либо в прошлом о подобных вещах? Да, кое-что было. К сожалению, все, что Александр Терентьевич читал на эту тему, было литературой либо пространно-отстраненного, либо информативно-познавательного толка. Нигде не содержалось прямых указаний на то, как следует вести себя при реальном столкновении с предметом описаний. Но все-таки он попытался внести ясность. "Друиды. Кто они такие? Какие-то древесные духи. При чем здесь Зодиак? подснежники? Что дальше? Инкубы и суккубы? Какое они имеют отношение к Зодиаку и, главное, к коммуналке, в которой он отныне вынужден доживать свой век? Черт подери, почему же они так обрадовались? Почему такой прием?» Александр Терентьевич вспомнил, как несколько лет тому назад прочел в газете фантастический рассказ про запойного алкоголика, которого мафиозная квартирная сеть взяла, можно сказать, на ставку и подселяла в коммуналки, не желавшие расселяться. Он,

вселившись, пил, дебоширил, и все уезжали… пока несчастный не нарвался на квартиру вампиров. Но тут – тут все было иначе. Ему обрадовались, его приняли с невозможными почестями – почему? Так, отложим. Начнем с начала. Чему они обрадовались – новому жильцу? Нет. Они обрадовались алкоголику, и не однажды это подчеркнули. Андреев говорил про восприимчивость – может быть, разгадка в этом? Очень может быть. Да, с этого все началось – с понятия восприимчивости. Человек, приведя себя в известное состояние, начинает воспринимать явления, недоступные прочим. Но какая им в этом корысть? Очень понятная: им не хватает контакта, живой «отдачи», «подпитки», как выражаются телевизионные лидеры. Они изголодались, они питаются его «отрицательно заряженной аурой» (Александр Терентьевич не знал, насколько согласуется подобное предположение с желанием служить науке). Им безразличен его пол, они накинутся на него, не разбирая, что есть у него в штанах, а чего нету…

Здесь Александр Терентьевич остановился. Выпитые стаканы исправно уводили его в долину безответных кошмаров – вернуться! Вернуться любой ценой, встать двумя ногами на твердую землю… о ком это было? Верно, о Солодовниковой, никуда не деться… но есть же какой-то выход?

Выход был только один: принять бой. Сон – значит, сон; Клятов закрыл глаза и приготовился к новым встречам.

10

И явилась Гортензия.

Она вплыла, подобно «Титанику».

– Я женщина одинокая, – заявила она без обиняков.

Клятов непроизвольно сместился на матраце.

Гортензия Гермогеновна уселась со всей солидностью и глубоко вздохнула.

– Скоро лето, – сообщила она глубокомысленно.

– И? – подхватил Александр Терентьевич, проявляя неожиданную резвость соображения.

– Все распустится, – вздохнула полной грудью гостья. – Расцветет… Благодать! Почки, бутоны…

«Пора!» – решил Александр Терентьевич. Он протянул руку и с силой ударил Гортензию Гермогеновну по загривку. Рука прошла сквозь гостью, и та расхохоталась:

– Неправильно делаешь, родимчик! Вот, прочувствуй…

С этими словами она безнаказанно навалилась на Клятова и чем-то вроде губ впилась ему в затылочный лимфатический узел. Клятов ощутил, как энергия – он-то думал, что ее уже в помине не осталось – но нет! эта глубоко законспирированная, в средоточье яиц упрятанная сила вдруг начала покидать его. Сам же он был полностью пассивен и не мог ответить ни единым жестом. Гортензия, напитавшись, отвалилась и одобрительно подмигнула Александру Терентьевичу. Она рыгнула и сплюнула на загаженный пол багровый сгу-

сток.

– Хорошо! – сказала она – Ох, и любовь у нас пойдет!

Клятов решил, что если уж не в силах он повлиять на сами события, то стоит хотя бы попытаться выяснить их подоплеку. А заодно – выгадать время и отсрочить худшее. Он мрачно проговорил:

– Хоть про деревья расскажите. А то ведь так и сдохну без понятия.

– Запросто сдохнешь. Отчего не рассказать? – Гортензия Гермогеновна, сытая, раскурила папиросу. Клятов явственно вдыхал вполне реальный, посюсторонний дым. – Деревья – это, можно сказать, основное; все прочее – баловство. По-настоящему мы сожительствуем только с ними.

«Со мной ли это происходит?» – этот наивный вопрос Клятов задал себе с обреченным равнодушием лунатика. Хищный призрак, попыхивая папиросой, говорил дальше:

– До тебя здесь жил один человечишко – не чета тебе, конечно. Трезвенник, каких поискать. А потому было чрезвычайно трудно войти с ним в соприкосновение. Он очень плохо нас воспринимал – положение отчаянное! Мы нуждались в энергии, как простые смертные нуждаются в воздухе. Лучше всего получалось у Альберта – он как-то сумел пробить в его защите брешь, а уж дальше мы подключились по цепи. Подзарядились с грехом пополам – не досыта, но для выполнения миссии хватило. Так что набросились на растительность, как положено, в согласии с заветами и наказами.

– С чьими заветами? – ужаснулся Александр Терентьевич. Голос его сделался писком.

– Это не твоего ума дело. Так что скоро все зазеленеет, нальется соком… ты этого, конечно, уже не увидишь, потому я тебе и рассказываю. Из милосердия, с позволения сказать. Мне, однако, кажется, что ты и без моих рассказов про все догадался. Не так?

Клятов много дал бы за ошибочность этого предположения, но Гортензия Гермогеновна была, к сожалению, права. Да, он догадался еще утром. Когда, в которой жизни это было? Ему хватило бросить беглый взгляд на молодые почки, чтобы заподозрить в них страшное, убийственное содержание. Все именно так и произойдет: зашумят, зазеленеют листья, и прохожий люд будет себе беспечно разгуливать под сенью дерев, не догадываясь, что листва уже не листва, что скоро проявится нечто невообразимое… каким оно будет? Александр Терентьевич боялся даже фантазировать на эту тему. «Так вот почему они до сих пор не распустились, – подумал он, парализованный отчаянием. – В них не просто зелень, в них зреет зло, посеянное этими мерзавцами».

– Век бы с тобой сидела, – грустно молвила Гортензия Гермогеновна. – Но и о других подумать надобно. К тому же, ты трезвеешь. Вот-вот проснешься – обидно! Запоминай, если можешь: захочется принять на грудь – загляни к Ослякову. У него есть все. Душевнейший человек! Ни в чем не откажет.

Гортензия Гермогеновна тяжело встала и придвинулась

к двери.

– Шея не болит? – спросила она обеспокоенно.

Клятов помотал головой.

– Ну, заболит еще, – с житейской прозорливостью успокоила его комиссарша. И, досказав последний слог, исчезла. И в тот же момент Александр Терентьевич распознал, что уже бодрствует, несмотря на кромешную ночь за окном.

11

Он поднялся с матраца, распахнул дверь, вышел в коридор.

Комната Петра Ослякова находилась прямо напротив. Клятов постучал – негромко, но настойчиво. Овен откликнулся немедленно, словно ждал:

– Открыто, сосед! Заруливай, не топчись на холоде!

Александр Терентьевич вошел. Осляков в одних трусах сидел перед трюмо и сосредоточенно прореживал себе брови.

– Тебе чего – портвешка или покрепче? – спросил он, не оборачиваясь.

– Мне нужна бритва, – сказал Александр Терентьевич.

Пальцы Ослякова замерли в незаконченном щипковом движении. Петр посмотрел на Клятова внимательным взглядом.

– Бритва? – переспросил он холодно. – Зачем?

– Я хочу побриться, – сдержанно объяснил Клятов.

– Это ночью-то? Ты что, сосед?

– Не спится, – пожал плечами Александр Терентьевич и внезапно осознал, что к нему возвращается давно утраченное чувство собственного достоинства. – Надо же с чего-то начинать, правда?

– Начинать – что? – Петр Осляков встал и заложил пальцы за резинку трусов.

– Начинать с нуля, – спокойно ответил тот. – Я о новой жизни говорю. Я, как-никак, человеком был когда-то. Вот и собираюсь для начала побриться.

Апрель, находясь в очевидном раздражении, прошелся взад-вперед по комнате.

– Завязать надумал, что ли? – спросил он напряженно. – С чего это вдруг?

– Если бритвы нет, то я пойду, – Александр Терентьевич не счел нужным отвечать. – Извините, что потревожил в столь поздний час…

– Притормози, – Осляков через силу улыбнулся. – Будет тебе бритва.

Он присел на корточки перед трюмо, распахнул дверцы. Клятов стоял и следил, как перемещаются лопатки Ослякова, движимые мощными гормональными мышцами. Апрель, раздраженно погремев невидимой железной дребеденью, вынул пачку лезвий и станок. Александр Терентьевич прикрыл глаза. Картина, увиденная внутренним зрени-

ем, разила наповал несмышленышей типа Босха. Тягомотный, не желающий распускаться ясень целит в глаза острыми перстами – до чего же тяжел на подъем. Безобидные кроткие липы, которые покажут такое унтерденлинден, что только держись. Рябина цвета юшки. Пятерня каштана, готовая к затрещине. Легион желудей. Сережки ив, готовые обнаружить свою гусеничную, личиночную суть. Тополиный пух – всепроникающий, не знающий границ десант. Томительный жасмин. Полуигрушечный барбарис, забывшийся в предвкушении опасных забав. Загадочный сирый подорожник, присыпанный мудрой придорожной перхотью. Яблони, цветущие на снегу – вопреки законам природы. Вкрадчивая жуткая сирень с удушливым цветом. Обманчиво нежные лиственницы, готовые склониться и обезвредить. Пленительная черемуха с предельно допустимым содержанием зарина. Благородная молчаливая туя. Высокомерный кипарис. Декоративные, голубой ориентации елки, застывшие в притворной, ядовитой неподвижности. Бестолково растопыренные клены, готовые кинуться, куда прикажут. Хрестоматийные березы, продавшиеся, едва сменился ветер, западным брутальным ферфлюхтам.

Петр Осляков легонько тронул Александра Терентьевича за плечо.

– Никак ты, герой, сомлел?

Клятов очнулся.

– Самую малость, – признался он с неподъемной, выму-

ченной застенчивостью.

– Смотри, не покалечься! – с улыбкой от уха до уха, Овен протянул ему бритвенные принадлежности. – Советую употребить пару капель, чтоб руки не дрожали.

«Может, и правда?» – подумал Александр Терентьевич. И тут же весь его организм, от кончиков волос до грязных кромок ногтей, возжелал подношения, преобразившись в зачумленную фабрику по переработке коварных ядов.

– Нет, – вымолвил он еле слышным голосом, и этим отказом сразу поставил себя в один ряд с мучениками различных религий и ересей. – Огромное вам спасибо. Кстати вот…

Клятову пришло в голову, что в нынешнем своем костюме он, пусть даже гладко выбритый и надушенный, не сможет произвести на нормальное общество хорошего впечатления. Нужна новая одежда… галстук, костюм, ботинки… Он едва не попросил Ослякова поспособствовать в обмене долларов, но вовремя вспомнил, что национальных купюр ему должно хватить благодаря оборотистому Андрееву.

– Что? – спросил Осляков и мгновенно напрягся.

– Ничего, ничего, – Александр Терентьевич не без труда вписался в дверной проем. – Спокойной ночи, и простите за беспокойство.

Он захлопнул дверь, повернулся и столкнулся с Неокесарийским, который направлялся в туалет, освещая себе дорогу фонариком.

– Отчего же вы не спите? – удивился Рак и ослепил Алек-

сандра Терентьевича пытливым световым лучом.

– Грехи не пускают, – Клятов нервно усмехнулся. К нему вернулась способность острить. – Как у вас с предстательной железой? – спросил он неожиданно.

Неокесарийский смешался.

– Дело стариковское, – пробормотал он смущенно. – Вот, иду…

– Ну-ну, – Клятов обнаружил в себе непривычную наглость. – Идите, размочитесь. Только хрен у вас что выйдет! – он перешел на визг. – Решили голыми руками взять? Вот вам! – он сделал неприличный жест. – Так дупло прочищу, что мало не покажется… хоть ты и дерево сто тысяч раз…

– Позвольте. Александр Терентьевич, – взволнованный Неокесарийский попытался что-то возразить, но Клятов его уже не слушал. Он перешел на скачкообразную поступь и, очутившись в сиротской комнате, без сил повалился на истомившийся без тела матрац. С опустошением в душе, с холодным яростным огнем в глазах лежал он без сна, сжимая в кулаке станок и пачку «жиллетовских» лезвий.

12

…На другой день он приобрел костюм.

Добротный, высокого суконного качества – плотной ткани, в мельчайшую английскую клетку. Побрился. Навел лоск. Пообещал себе не пить.

«Я же врач, – не уставал он сам себе повторять. – Я – экспериментатор. Первопроходец. Я уничтожу эту шайку. Время разбрасывать камни, и время сдавать посуду».

Прошло еще два трезвых, безупречных дня, и с ним перестали здороваться.

А ночью явились опять – теперь уже несколько.

Пришел Андреев, пришел Кремезной, притащилась благообразная Скорпионша – и, разумеется, Юля в сопровождении Игоря, а также обязательная Гортензия Гермогеновна.

– Напрасные старания, – вздохнул Андреев и снял с себя брюки. – Мы все равно вас не покинем. Разве вы не знаете, что никогда нельзя встречаться с внутренними демонами лицом к лицу? Взаимное опознание гибельно. Узрев нас однажды воочию, вы никуда не сможете деться. Демон, как известно, достаточно безобиден, пока он неосознанно присутствует в чужом материальном теле. Стоит ему только уловить бодрящий запах понимания… противостояния… мельчайший …Нигде не будет вам убежища, ни в чем не будет поблажки…

Он снова вздохнул, прыгнул и довольно профессионально заключил горло Александра Терентьевича в замок. Тот попытался высвободиться, но неистовые команды, сообщенные мозгом рукам и ногам, обернулись напрасной фантазией. Андреев высунул язык размером с добрую стельку и осторожно лизнул аккуратную ямку, что размещается под затылочной костью.

– По праву старшинства, – сказал Андреев и галантно предложил Гортензии Гермогеновне приблизиться. – Вкушайте – во имя настоящих и грядущих зеленых насаждений.

Кремезной (совершенно неожиданный для академика и теоретика поступок) хрипло затянул песню онтов – людей-деревьев из эпопеи Джона Толкиена.

«Образованный человек», – мелькнуло в голове у Клятова, и тут же резиновые губы Девы присосались к его позвоночнику. Руки Гортензии метнулись к паху Александра Терентьевича.

– Мы посетили вашего покупателя, – сообщил общительный Андреев. – Кажется, его звали Пендалем?

Александр Терентьевич, которому мнилось, будто он стал полностью прозрачным, ничего не сказал.

– Он умер, – Андреев вздернул гигантские южные брови. – Он захотел кутнуть, отключился и умер. Там побывала Солодовникова. Сами понимаете: с конкретными людьми – конкретный, майский, земной разговор. Ему не повезло – он не испытал прелести удушения живейшей, сладостной лозой… Да, не каждому суждено дожить до золотого века…

Внезапно Клятов понял, что сию же секунду лишится всего – костюма, галстука, рассудка и души. «Просыпаюсь!» – в особенном, сильном волнении, он произнес – тишайшим шепотом, чтобы его не услышали. Они его не услышали. Вокруг не было ни души, он был один – в английском костюме, с остаточным запахом одеколона. Вокруг царила ночь, было

около четырех часов утра.

Александр Терентьевич понял, что никакой костюм ему не поможет. Не поможет ничто. С трудом держась на ногах, он проследовал в кухню.

«Все напрасно», – вымолвил он одними губами и присел на табурет. Не слишком ли легко он сдается? Дни лютой трезвости потребовали от него великого напряжения. Собственно говоря, о чем он так печется? Гори оно огнем, ведь он, если припомнить, переселился во флигель уже расставшись с пустыми надеждами. Он прекрасно понимал, что жизни его суждено окончиться в этих стенах. Вот расплывутся доллары – и пиши пропало. А их надолго не хватит – Клятов, что ли, когда-нибудь держался на сей счет иного мнения? Конечно, нет. Стало быть, не о чем и горевать; какая разница, что станет непосредственной причиной его смерти? Цирроз ли, инфаркт ли, ненасытный аппетит зодиакальных скотов – все едино.

Поэтому он может позволить себе выпить. Естественно, с просьбой о выпивке он ни к кому из соседей больше не обратится. Если ничего не отыщет сейчас на кухне, выйдет в ночь, на проспект, какими бы мучениями не аукались ему лишние шаги.

В сердце Александра Терентьевича запел дьявольский рожок. Клятов поднялся с табурета и начал обследовать внутренности кухонных столов и шкафчиков. Он очень быстро нашел то, что искал: пыльную поллитровую бутыль с жидко-

стью, от которой резко потянуло спиртом.

«Ну, с Богом!» – сказал себе Александр Терентьевич, задержал дыхание и сделал огромный глоток. В горле взорвалась пороховая бочка; если бы он остановился в тот самый момент, то, конечно, после уже не решился бы пить дальше. Но Клятов сощурил глаза и продолжил сосательно-глотательные движения. Шум морского прибоя поднялся из чресел и распространился внутри головы, заложило уши. Александр Терентьевич выхлебал не меньше стакана; только тогда, повинуясь примитивному инстинкту самосохранения, он выдернул горлышко изо рта и начал дышать, постанывая.

«Ничего себе!» – выдавил он, отдышавшись, поставил бутылку на место и побрел к себе. Сил ему хватило ровно на обратный путь – напиток был низкого качества, с примесью какой-то технической отравы. Расположившись на матраце, Клятов не заметил, как отключился. Во сне, вопреки робким и неоправданным надеждам, сознание вернулось, и Александр Терентьевич очутился нос к носу с господином Сенаторовым. Лев оскалился в голодной улыбке.

– Рад, что вы, мой дорогой, исправились, – сказал он густым голосом. – А то мы начали волноваться. Контакт с вашей милостью мне жизненно необходим. Я, представьте себе, только что обработал громадный дуб, и еле ноги волочу.

Сенаторов подался к Александру Терентьевичу, протянул к плечам руки. Ни во что не веря и ничего хорошего от своих действий не ожидая, тот изо всей мочи ударил канниба-

ла по волосатым лапам. Он собрал в свой удар всю силу бесконечного отчаяния. И случилось невозможное: Лев взревел от боли и отпрыгнул.

– Что за дела? – спросил он блатным отчего-то тоном. – Ты…

Клятов испуганно глядел на Сенаторова, ожидая свирепой расправы. Но Сенаторов не спешил нападать. И до Александра Терентьевича дошло, что выходец из преисподней тоже боится. Спящий вытянул неверную руку и взялся за спинку стула.

– Сунешься еще раз, огрею вот этим.

– Не посмеешь, – отозвался тот, но с места не сошел. – Братья и сестры! – позвал он зычно. – У Августа проблема. Кто не занят – ко мне!

Ввалился недовольный Альберт, примчался Комар, притащился, шаркая, Неокесарийский. Клятов сжал незатейливое оружие и приготовился к сражению.

– Он что? – Альберт ткнул пальцем в направлении Александра Терентьевича и повернулся к обиженному Августу-Льву. – Руки распускает?

– В том-то и дело, – подтвердил его предположение Сенаторов. – Главное – как ему удается?

– Он не должен, – покачал головой Неокесарийский. – У нас односторонняя связь.

– А ты подойди и сам проверь, – огрызнулся Сенаторов.

Старик с опаской, неуверенно подошел к бунтарю. Клятов

размахнулся и обрушил стул на пятнистую лысину. Неокесарийский страшно взвыл, зашатался и отступил. Альберт поиграл пальцами, разминая их.

– Инструмент, положим, можно отобрать, – он вытянул губы в дудочку. – Что касается прочего…

Он прыгнул, вырвал стул, отшвырнул его в сторону. Не давая Александру Терентьевичу оправиться, вцепился ногтями в лицо. Клятов ударил Альберта коленом в низ живота, однако удар вышел гораздо слабее, чем он рассчитывал.

– Он слабеет! – зарычал Альберт восторженно. – Айда ко мне, сейчас воспитывать будем!

…Клятов бился, как настоящий герой, но сила неуклонно покидала его с каждой затрещиной или пинком. Неокесарийский подставил ножку, все покатились по полу. Сенаторов оседлал распростертого сновидца, Комар уселся на ноги, Альберт зажал голову в тиски. Рак-Июль суетился вокруг, не соображая, чем бы этаким поспособствовать товарищам.

– Ты у меня забудешь, откуда руки растут, – брызги слюны, которые летели изо рта Альберта в лицо Клятову, были полноценными, материальными брызгами.

Александр Терентьевич так и не узнал, по какой из причин его наконец покинуло сознание. Он устремился в черную безмолвную пропасть и был бы счастлив, если мог бы быть счастливым, но он не мог, а значит – лишился радости знать о незнании происходящего.

– По ногам текло, а в рот не попало, – сказал чей-то голос.

Это было последним, что Клятов услышал.

13

Когда вернулась жизнь – не жизнь на самом деле, а бледная тень бытия, он не стал выходить в коридор. Не было уверенности, что его не размажет по стенке при первой попытке встать на ноги. К тому же, выходить не хотелось, не хотелось видеть бесстыдного торжества на лицах Времен Года.

Что ж – хороший случай полежать без дела и поразмышлять. Александр Терентьевич безрезультатно облизнул пылающие губы кусочком наждака, в который превратился язык, и крепко задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.